

Р2 УР
Б24

Ирина
Баринова

Осенний
снег

ЛИРИКА

105 единств. экз. в ЦБС

Р2 ЯР
Б24

Ирина
Барина

ОСЕННИЙ СНЕГ

ЛИРИКА

76299-1

Ярославская городская
централизованная система
библиотек

Ярославль
Верхне-Волжское
книжное издательство
1990

Р2
Б24

Барина И.

Осенний снег: Сборник стихов. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1990 — 96 с.
Цена

Ярославская поэтесса Ирина Барина — автор поэтических сборников «Незабываемое» и «Тайна красоты», вышедших в нашем издательстве и получивших добрые читательские отзывы. В этой книжке она остается верна главной теме своего творчества — теме любви, человеческих отношений, доброты и милосердия. Вместе с тем в новых стихах появились остросоциальные мотивы, тревога за завтрашний день нашего народа.

Р $\frac{4702010202 \ 36}{M139-(03)890}$ без объявл.

Р2 (Ц)

Издание осуществлено за счет средств автора.

© Ирина Барина, 1990.

ISBN 5-7415-0241-5

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

* * *

Как же похоже кричали,
Благословляя: «Живи»,
Черные птицы печали,
Белые птицы любви.

В ведро летели, в ненастье,
Как предсказанье судьбы,
Нежные лебеди счастья,
Вороны злые беды.

Падали в медленном круге,
Чтобы узорами лечь,
Черные перья разлуки
И белоснежные — встреч...

★ ★ ★

Мы торопимся жить.
Недосуг оглянуться
Нам на гнезда родные,
Пустые без нас.
Верим: нам не дано
Ни упасть, ни споткнуться.
Высоко мы летим,
Ничего не боясь.

Все-то нам по плечу!
Только рано иль поздно
В неизбежном прозреньи
Замедлим полет,
Чтоб вернуться в родные
Остывшие гнезда.

...Хорошо, если в них
Еще кто-то нас ждет.

* * *

Памяти Виктора Александровича Давыдова,
режиссера и педагога

Перед ушедшими вина
Растет, как снежный ком,
За то, что я была полна
Надежды на потом.

Еще успею написать,
Успею позвонить,
И выслушать, и рассказать,
Прощенья попросить.

Но больно сердце режет
Газетный некролог,
И близкий человек уйдет
Последней из дорог.

Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
...Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.

Платить, не пряча про запас,
За доброту добром.
Все будет только лишь сейчас,
И ничего — потом.

* * *

*Дубовый листок оторвался от ветки
родимой...*

М. Ю. Лермонтов

Не дай нам бог
оторванным листом
скитаться одиноко по чужбинам,
где самый сытый
и роскошный дом
не станет ни родным и ни любимым.

Быть может, где-то
лучше, чем у нас —
вольготнее, богаче и красивей.
Но как же страшно
в свой последний час
не ощутить целебный свет России.

Лишь вспоминать,
в больной тоске по ней,
то поле ржи, то теплые березы,
не разглядев
российских журавлей
сквозь жалкие непролитые слезы.

ПЕСНЯ

Памяти отца Евгения Сергеевича
Барина

Улыбчивый, черноволосый,
Из тех, что и жнец, и игрец:
«Я трогаю русые косы», —
Поет молодой мой отец.

И быстрые женские слезы
Туманят внимательный взгляд.
«Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят».

Нехитрая песенка эта,
Но спаяны в ней, сведены
И радость весеннего света,
И горькая память войны.

«Я трогаю русые косы...»
...То время давно позади.
Но стоит слышать «Березы»,
Как сердце сожмется в груди.

Я скоро отца стану старше,
Но память не знает преград.
Все так же над нами, все так же
Родные березы шумят.

МАМЕ

Виновна я пред мамою моей,
что ежечасно и ежеминутно
не вспоминаю, сколько ей мучений
пришлось перетерпеть, чтоб майской ранью
я криком возвестила о себе.

Виновна я пред мамою моей,
что все свои и боли, и невзгоды
я ей несую, скрывать их не умея,
морщинки множа на лице любимом,
которое я помню молодым.

Виновна я пред мамою моей,
что не прошу прощенья, и все же,
слезами и упреками не муча,
она всегда за все меня прощает.
А я себя сумею ли простить?

НАКАНУНЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

За тридцать лет своих
Пережила немало,
Три заповеди выполнив сполна:
Я сына родила,
И книгу написала,
И посадила липу у окна.

Но липа не сулит
Медовый запах людям,
Не отродилась и не расцвела...
И книгу, может быть,
Никто читать не будет...
...Но сына я для счастья родила!

* * *

Другу и учителю Борису Емельяновичу
Васильеву

Как быстро время мчит!
За ним не успеваю.
Мгновения удач
Моих — наперечет.
Как будто вслед смотрю
Последнему трамваю,
Который никогда
Меня, увы, не ждет.

Какого-то рывка
Всегда мне не хватало,
Догнать и перегнать —
Азарта нет в крови.
Но, может, потому
Душа не растеряла
Ни веры,
Ни надежды,
Ни любви.

* * *

Все реже смотрят вслед мужчины.
Мой взгляд стал сдержанней и строже,
Не улыбаюсь беспричинно,
И привлекая, и тревожа.

И легкость девичья пропала,
И чуть в лице поблекли краски,
Все чаще я теперь устало
Иду с авоськой иль с коляской.

На жизнь не сетую нисколько,
Люблю свой дом, ребенка, мужа.
Бывает всяко: сладко, горько —
Иного счастья мне не нужно.

Но в тайных мыслях я повинна
(Вот глупости-то в самом деле):
Хочу, чтоб встречные мужчины
Мне вслед восторженно глядели.

* * *

*Я одного боюсь: вдруг кто-то
Меня решится пожалеть.*

Из раннего стихотворения

Так хочется, чтоб кто-то пожалел,
Устала быть разумной, деловитой,
Отвлечься б от больших и малых дел,
Пежить бы простодушно и открыто.

И если надо, выплакаться всласть,
Все рассказав о горестях и бедах,
Влюбиться, растеряться, запропасть
И яблока запретного отведать.

Сорваться, негодуя и грубя,
Покаяться, стать кроткою и слабой,
Чтоб наконец почувствовать себя
Усталой и отчаявшейся бабой.

Но, не пуская чувства на простор,
Не жалеюсь, не плачу, не робею,
Готовая дать каждому отпор.
...Да кто ж меня, такую, пожалеет?!

* * *

О, как с годами хочется покоя
И равновесья в собственной душе.
Но истомилось сердце маетою,
И тормоза сдают на вираже.

Одолевают смута и сомненье,
Чем больше лет, тем беспощадней жизнь.
Несет, несет житейское теченье,
И на плаву — попробуй, удержишь.

Волна тобой распорядится вольно —
Поднимет, бросит, скроет без следа,
То вверх, то вниз. А сердцу больно, больно,
И не привыкнуть к боли никогда.

* * *

Я в жизни обжигалась так часто—
На дружбе, на доверьи, на любви,
Что отвести готова и от счастья
Глаза настороженные свои.

Наверное, мне легче не поверить,
Что после одинокой маеты,
Наперекор разлукам и потерям
Вновь расцветут весенние цветы.

Тревожно ожидаю я подвоха,
Раздумья нежеланные гоня.
И оттого мне горестно и плохо,
Что счастье непосильно для меня.

* * *

Судьба моя лукавая,
Твой приговор суров:
Врагов не наживала я,
Но нажила врагов.

Ни злоба, ни предательство
Души не тяжелят,
Но черные ругательства
Опять в меня летят.

И недруги с наветами
Влезают в жизнь мою.
...Но теми обогрета я,
Кого сама люблю.

И пусть и не убавится
Завистников и зла,
Но верю, что останется
Душа моя светла.

* * *

О, как нелепо я живу —
Все верю, словно в божью милость:
Восторжествуют наяву
И доброта, и справедливость.

И жизнь спасется красотой.
...Но вдруг в бессилии заплачу,
Что этот мир, несчастный, злой,
Я не смогу переиначить.

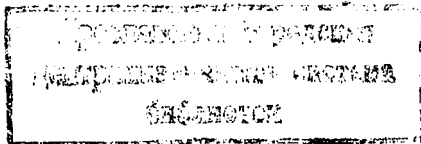
* * *

Никуда не деться от печалей
И разлук — как сердце ни боли.
...На прощанье жалобно кричали
Журавли.

Голоса ломались их от муки,
Будто не вернутся никогда.
Только ведь случаются разлуки
Навсегда.

Лучше нас, наверно, понимают
Это птицы. Потому в тот миг
Так тосклива траурная стая,
Горек крик...

7629921

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1. ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Отчего поселилась
на сердце тревога?
Оттого, что пора
ненасытных дождей?
Оттого, что уводит
из дома дорога
неизвестно зачем
от любимых людей?

Как тяжелая глыба,
гнетет неизбежность
расставаний, утрат —
что там ждет впереди?
А в осенней походке
такая неспешность,
словно этой поре
никуда не уйти.

Но сгорают последние
листья, как свечи,
скоро наземь снега
тихо-тихо сойдут.
И растают потом...
Но нисколько не легче
оттого, что другие
цветы расцветут.

2. ОСЕННИЕ РАДОСТИ

Не надо, осень, красоты,
Ты — беспощадность и бессилье.
Как будто сломленные крылья,
На землю падают листья.
И горше боль, темней печаль
И вечны, кажется, утраты.
А я в одном лишь виновата,
Что мне поры цветенья жаль.

...Ронявший под ноги листья
Из разноцветного букета,
Малыш, проживший третье лето,
Смотрел с трехлетней высоты.
И осень видел он другой —
Смотрел веселыми глазами:
Приметы тленья исчезали,
Мир оставался золотой!

3. ОСЕННИЕ ВСТРЕЧИ

Шли по озябшим желтым листьям
С тобой вдвоем. С тобой вдвоем.
И осени повадка лисья
Уже нам виделась во всем.

И были все слова излишни.
Но вспоминала я потом
И этот путь, совсем не ближний,
И мой нахохлившийся дом.

Хоть счастье было и недолгим,
Но было! Было: ветер с Волги,
Швырявший под ноги листья,
Дождя холодного иголки,
И солнца редкого осколки,
И ты, и ты, и ты, и ты...

4. ОСЕННЯЯ ИРОНИЯ

Листьев звонкая медь под ногами
Все поет о несбывшихся снах.
Улететь бы сейчас с журавлями,
Да куда уж... синица в руках.

Не судьба всем желаньям свершиться —
Как же истина эта проста.
Постаревшая синяя птица
Показала остаток хвоста.

СТИХИ О СНЕГЕ

1. ОСЕННИЙ СНЕГ

Октябрьский снег на лужи падает,
Не перечеркивая осень,
Он и печалит, он и радует,
И чистоту с собой приносит.

Являсь, как будто наваждение,
Нежданно, кратко, беспричинно,
Расправит, пусть и на мгновение,
Земли глубокие морщины.

Уйдет назавтра, неразгаданный,
Уйдет неслышно, неспесиво.
Ну, а пока — он щедро падает.
Уж и за то ему спасибо.

2. ВЕСЕННИЙ СНЕГ

На землю падал снег, не уставая,
Ложился на деревья и дома.
Не знал, наверно, — скоро время маю,
Не знал, должно быть, что прошла зима.

Снег был таким же чистым, первозданным,
Как в декабре. И чудилось ему,
Что он явился гостем долгожданным.
Хотя в апреле был он ни к чему.

ЗАПАХ КЛЕВЕРА

БЫЛО ТРИ МУЖА У БАБКИ НАСТАСЬИ

Было три мужа у бабки Настасьи:
Павел, Прокопий и дед Никодим.
Первый утоп. А второй в одночасье
Помер от сердца совсем молодым.

С третьим сошлась — уж под пенсию дело,
Жили, как люди, без ссор и без драк...
Да перебрал Никодим... Проглядела.
Выпить-то старый был не дурак.

Было три мужа у бабки Настасьи,
Дети и внуки остались от них.
Но отчего-то ей помнится Вася.
Вася Наседкин — ни муж, ни жених.

Просто однажды, в февральскую стужу,
В город на розвальнях ехала с ним...
...Было у бабки Настасьи три мужа:
Павел, Прокопий да дед Никодим.

* * *

Запомнилась мне женщина одна —
Была строга, суха и некрасива,
Но хорошела на глазах она,
Когда траву размашисто косила.

Не замечал никто ее нигде,
Пока вдруг не увидели в работе.
...Так птица, неприметная в гнезде,
Прекрасною становится в полете.

ИЗБА

Стоит изба не топлена
И окнами не светится,
Тропинка к ней не топтана
Уж много-много месяцев.

Изба хоть и не новая,
Не назовешь и сказкою,
Но ладная, здоровая,
Со стойкою окраскою.

А почему не топлена?
А отчего заброшена?
Тропинка не протоптана,
Крылечко запорошено.

То ль умерли хозяева,
То ль без избы обходятся...
Ну, а тогда пора ее
Другим обжить, как водится.

Ай, доля незавидная —
Такая ли загадана?
Да где же это видано,
Чтоб никому не надобна?

* * *

— Чай, придешь ко мне в гости, Ирина, —
Приглашала старушка-соседка, —
Угощу самой спелой малиной,
Самой свеженькой, прямо с ветки.
Из подполья вареньица выну —
Из рябины — поди, не едала,
Расскажу про внучат и про сына,
Да как в девках гуляла бывало.
Ты не думай, я помню немало,
Может быть, для стиха пригодится.
Вон, как бабушку свою расписала,
Чай, теперь перед всеми гордится.

Я пришла. Сладко пахла малина.
Из рябины варенье горчило.
И старушка соседка про сына
И про жизнь про свою говорила.
Даже песню старинную спела.
А потом неожиданно стихла
И сказала: «Такое вот дело...
Написала бы все-таки стих-то.
В жизни, видишь ты, всяко бывает...»
Помолчала. Добавила тише:
«Вдруг да сын невзначай прочитает,
Уж тогда, знамо дело, напишет...»

АВТОПОРТРЕТ

За окнами встает рассвет,
И голоса смелеют птички,
А в белой тишине больничной
Рисует мальчик свой портрет.

Пятнадцать мальчику всего —
Полжизни он провел в больнице,
И не летели быстрой птицей
Года печальные его.

Но вот готов автопортрет:
Во взгляде — ожиданье чуда,
Улыбки свет...

— А грусть?

— Откуда?

Ему ж всего пятнадцать лет!

И слава богу, не в плену
Он у жестокого неверья.
...Ветвями тянутся деревья
К его больничному окну.

* * *

Худа, веснушчата, курноса,
И ничего — от женской стати,
Среди подруг, красивых, рослых,
Она как будто и некстати.

Но самый умный, лучший самый,
Ежеминутно, ежечасно,
Твердил, неверящей, упрямо:
«Ты так прекрасна, так прекрасна».

Ему поверила однажды.
Улыбкой расцветя счастливой.
И взглядом, и движеньем каждым
Открылась всем такой красивой.

Явилось столько в ней — откуда? —
Тепла, и нежности, и света.
Дивились люди: «Что за чудо?»
А ведь и вправду чудо это.

ЗАПАХ КЛЕВЕРА

По клеверу бежала босиком,
Жгли росы ее ноги загорелые,
Была такую безрассудно-смелою,
Какой не будет никогда потом.

Твердил ее любимый невпопад:
«Ведь правда, правда, все переиначится?!»
Она не раз безудержно расплачется,
Таким счастливым вспомнив этот взгляд.

Как пахнул клевер! Стыла неба синь,
И были руки, нежные и властные,
И были слезы, и слова напрасные...
...Пытливо смотрят муж ее и сын.

Их разлучить? Оставить этот дом?
Какой же вдруг беды чуть не наделала.
...Нет, не она — та, безрассудно-смелая,
Бежавшая по росам босиком.

* * *

Два одиноких человека
Решили жить одной судьбой.
Ведь так положено от века —
Не «я и ты», а «мы с тобой».

Но только вот ее печали
Не стали для него близки,
И больно делалось едва ли
Ей от его немой тоски.

Ни радость общею не стала,
Ни грусть — одною на двоих.
И так тепла не доставало
Пустынному жилищу их.

Судьба отсчитывает сроки —
Уж скоро листья полетят.
Живут вдвоем, а одиноки.
...Нашли друг друга, говорят.

РАЗГОВОР СОСЕДОК

— Зинаида, Зинаида,
Затаила, знать, обиду,
Отчего ты держишь зло,
В жизни, что ль, не повезло?
И красива, и здорова,
И машина, и корова,
Ходит муж в передовых,
Счастья хватит на троих. —

Усмехнулась Зинаида:
— Я, соседка, не сердита,
Ведь тебе не привыкать
Кости нам перемывать,
Обсуждать у магазина,
Отчего печальна Зина,
И плести, что мой Егор
На соседний ходит двор. —

— Зинаида, Зинаида,
У него на Марью виды,
Уж свидетель я сама,
Знать, совсем сошел с ума. —

— Ох, уж бабьи пересуды,
Все вы знаете — откуда?
Марья вдова, сын да дочь,
Как же бабе не помочь? —

— Зинаида, Зинаида,
Что темнить, когда всем видно?
Душу-то могла б открыть...
Да не мне тебя судить! —

Дверью хлопнула сердито.
Загрустила Зинаида:
Видно, лишку счастья им,
Раз мешает жить другим.

★ ★ ★

Без передышки падал дождь,
Деревья пригибая круто,
Но, торопившая минуты,
До нитки вымокшая, все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Тревога, острая, как нож,
Вонзалась в сердце больно, слепо,
И, понимая — ждать нелепо,
Безумно, безрассудно, все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Устав, угомонился дождь,
Деревья распрямили плечи,
И только ей не стало легче
В предчувствии беды, но все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Судьба, ты горести не множь,
Пускай и в ведро, и в ненастье,
Мольбам отчаянным подвластен,
Приходит, утверждая счастье
И отвергая зло и ложь,
Тот, кому женщина
«Придешь»
Шептала.

* * *

На стене портрет в овальной раме:
Девушка с лучистыми глазами,
Удивленье в них и ожиданье,
Горя благодатное незнанье.
Щурится старик подслеповато,
Не отводит от портрета взгляда,
Выпрямляет сгорбленную спину —
Не старик. Чуть пожилой мужчина.
Улыбаясь ласково и кротко,
Реденькую трогает бородку
И жене своей:
«Скажи на милость,
Вроде, ты ничуть не изменилась,
Не поверить, что большие внуки...»
И целует сухонькие руки
Бабушке с седыми волосами,
С юными лучистыми глазами.

* * *

Две остановки ехала в трамвае
Та женщина со взглядом озорным,
Счастливая, весенне-молодая,
Улыбчивая, волосы как дым.

Вошла она, и сразу посветлело,
И даже лысый седоусый дед
Воскликнул, улыбаясь ошалело:
«Эх, где мои, хотя бы сорок лет!»

От взглядов еще больше хорошея,
Дарила эта женщина в ответ
И красотой, и юностью своею
Тепло и радость, доброту и свет.

Всего две остановки — капля, малость.
Входили люди. Ехал кто куда.
Она сошла. А теплота осталась.
Бывает же такое иногда.

* * *

У тети Маши полон дом детей —
Чумазые вихрастые мальчишки,
Подвижные и озорные слишком,
Хлопот немало доставляют ей.

Издерганная вечной суетой,
Завидует соседке тетя Маша:
«Какая я!? — кладут в могилу краше.
Куда уж мне до крали до такой».

А у соседки затуманен взгляд,
Когда она, неловко и украдкой,
Со лба сдувая дымчатую прядку,
Ласкает тети-Машиных ребят...

* * *

Старик восьмидесяти лет
Покрасил дом в зеленый цвет,
И даже в хмурости дождей
С тем домом стало веселей.
Сказал старик: «Теперь помру.
Теперь не стыдно помереть...»

...Он умер рано поутру.
А дом остался зеленеть.

СЛЕПАЯ

Глаза слепые — сердце зрячее,
Тихонько за руку взяла:
«Ну, что случилось? Чуть не плачешь ты...
Ведь ты совсем невесела».

...А я смеялась так отчаянно,
Тоску запрятав в глубине,
Что даже люди не случайные
Ничто не поняли во мне.

Глаза слепые — руки зрячие,
Прикосновения легки.
Шепнула: «Ты ли не удачлива?
Перебори. Перемоги».

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Как гулянье в деревушке —

Ох, разноголосое,

И поет свои частушки

Девушка курносая:

«Разлюбила тракториста —

Он с другой катается,

Полюбила гармониста —

Может, и сыграется?!»

Пляшут Коли, Мани, Тани —

Аж дрожат заваленки!

...А назавтра пусто станет

В деревушке маленькой.

Позабитая гармошка

Под накидкой красненькой

Пригулится у окошка

До другого праздника.

* * *

У той старушки мужа нет и сына —
Один лишь черный одряхлевший кот
Да жирная нелепая гусыня,
Которая яиц-то не несет.

Кого винить, коль в жизни так случилось:
С котом, с гусыней век свой доживать.
Что было — сплыло, помнилось — забылось,
Что не сбылось — тому и не бывать.

В домишке ветхом, как сама, и ныне
Старушка неприметная живет.
Живет, пока крылами бьет гусыня,
Пока мяучит желтоглазый кот.

ТЫ

У тебя как будто все в порядке:
По утрам ты делаешь зарядку,
Крепкий кофе варишь так, как надо,
Красишь губы яркою помадой.
Догадаться даже муж не может:
День и ночь тебя сомненье гложет —
Он души своей в тебе не чаёт,
А тебя другой во тьме встречает
И целует в крашенные губы...
Муж — родной. А этот... этот — любый.
Как тебе меж ними раздвоиться?
Знаешь ты, что жить так не годится.
Но живешь. Нелепо и греховно,
Лишь с собой не сладя полюбовно,
И лежишь с открытыми глазами
Долгими и тяжкими ночами.

ДВА ПИСЬМА

— Прости. Прощай.
И обо всем забудь.
Любовь проходит —
никуда не деться.
Утраченного чувства
не вернуть,
как не вернуть
умчавшегося детства.

Жег руку белый
маленький листок,
слова в котором
были лживы, лживы!
Он не хотел им верить
и не мог.
Забудешь ли
цветенье вешней сливы,
и звездный блеск,
и теплый майский дождь,
и первый взгляд,
и робкую улыбку...
Но и в его письме
звучала ложь:
«Не вспоминаю.
Ты была ошибкой».

Друг друга
обманули, как смогли,
чтоб вспоминать
потом поодиночке
и звездный блеск

в безоблачной дали,
и соловьев —
солистов полуночных.
И, проклиная память
всякий раз,
и прогоняя прочь
воспоминанья,
хранить в душе
и свет счастливых глаз,
и жарких рук
несмелое касанье.

* * *

Можно ль жить, коль навеки обвенчаны,
А любимая раньше ушла?
Но другая со временем женщина
В доме место ее заняла.

Подарила судьба не последнее —
И детей, и тепло, и уют.
...А ведь это легенда, что лебеди,
Потеряв лебедих, не живут.

* * *

Вошел в квартиру, как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я ухожу к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Он жалко поднял воротник,
Как защищаясь от ненастья,
И ждал, что будут слезы, крик,
А услышал: «Какое счастье...

И у меня давно другой,
Не знала, как тебе признаться.
Живи спокойно, дорогой,
Теперь нам нечего бояться».

...Он шел, уставя в землю взгляд,
Душила горечь униженья,
И почему-то был не рад
Желанному освобожденью.

Ведь он все время верил той,
Что ежедневно предавала...
...В квартире, темной и глухой,
Так страшно женщина рыдала.

* * *

Мужчины жалуют вниманьем.
В новинку ли тебе, мой друг,
Их восхищенье, обожанье
И нетерпенье глаз и рук.

Твой взор замечен, жест отмечен,
Но как судьбу благодарить
За то, что ноги, грудь и плечи
Сумели душу заслонить?

Ей, в упаковке симпатичной, —
Как птице, пойманной в силки.
...Но взгляды жадные привычны,
Но речи льстивые легки.

Из плена вырваться попытка
Ненужной кажется уже.
Вновь демонстрируешь улыбку,
Сама не вспомнив о душе.

* * *

Не стерпелось, не слюбилось —
Целый век с постылым.
Слишком поздно спохватилась —
Сердце уж остыло.

А ведь было! Было. Было...
Поняла, да поздно.
Убежала за немилым —
На погонах звезды.

Муж — завидуют — военный,
Есть машина, дача.
Для такой обыкновенной —
Редкая удача.

Ни заботы, ни печали,
Денег ей хватает.
А что плачется ночами! —
То никто не знает.

На судьбу бы попеняла,
Да не попеняешь.
На другую б поменяла,
Да не поменяешь...

АХ, НАСТАСЬЯ

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Сладок, нет ли муж чужой?
У ворованного счастья
Вкус отчаянный, хмельной.

Губы зрелые медовы,
Руки белые — взлет.
Ненасытно и бедово
Настя мед тягучий пьет.

Ничего, что пьет украдкой,
Лучше, что ль, когда одна?
А семья его в порядке,
Мужем хвалится жена.

Не судите, злые люди,
Бабий век вот-вот пройдет,
От жены-то не убудет —
Насте чуть перепадет.

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Успокаивай себя.
Слишком долго ты без счастья,
Слишком долго — не любя.

А теперь-то — ох, как сладко,
Ох, как жарко — не застынь.
...Мед, что Настя пьет украдкой,
Превращается в полынь.

* * *

Закружились, светлы и горьки,
Дни в неистойой замети.
Но стучали ее каблучки
В его сердце и памяти.

Закрутили заботы, дела —
Близок был к исцелению.
В сны взяла и пришла,
Без надежд на спасение.

На коленях другой, неродной,
Спрятал голову грешную.
И увидел единственной, той.
Он глаза безутешные.

БАНЯ

Ш у т к а

Целый день для милой Мани
Бегал Ваня за водой,
И теперь идет от бани
Дух березовый, парной.

Употела молодлица!
Под прикрытьем длинных кос
Выбегает прохладиться
С пару — прямо на мороз.

Тело жаркое остудит
Встречный ветер — благодать!
Уж едва ли кто осудит,
Видя этукую стать.

Маня мыться не устанет
И с мороза — снова в пар!
Ну, а дома Ваня ставит
Для хозяйки самовар.

Ждет румяную из бани,
Но не клеятся дела:
Почему-то нынче Маня
Спину мыть не позвала.

О ПОКАЯНИИ

В СТАРОЙ РОЩЕ

Упала замертво береза,
Поникли враз ее подруги,
Скрыв подступающие слезы
И не заламывая руки.

И их черед наступит скоро —
Стволы печально потемнели,
Им нет ни смены, ни опоры —
Заполонили рощу ели.

Подлеском были — стали чащей,
Что им березы? Песня спета.
Так, торжествуя и кричаще,
Тьма вытесняет радость света.

* * *

Звереет человек в очередях,
В них делаются женщины мегерами,
И рыцарство теряют на глазах
Мужчины, что во всем привыкли — первыми.

Ах, эти змеи злых очередей —
За дефицитом и за пропитанием.
...А может, люди были бы добрей,
Когда б не это вечное стояние?

* * *

Дефицит доброты — почему же?
Не хватает тепла — отчего? —
У жены — для любимого мужа,
У сынов — для отца своего.

Появились «забытые» дети
И ненужные всем старики.
Видно, что-то случилось на свете,
Коль на злобу мы стали легки?

Только сетуем: жизнь, мол, такая —
Хочешь жить — так вертеться умей.
Вот и вертимся, спешно меняя
Друга детства на нужных людей.

Пробиваемся и пробиваем,
Лишь бы локти острее и — вперед!
И меняем, меняем, меняем:
Вместо жалости — трезвый расчет.

Вместо музыки — бешенство рока,
Телевизор цветной — вместо книг.
Не горя, потухает до срока,
Нашей жизни единственный миг.

* * *

Под плевки пьянчужек праздных
И под ропот: «Ну, и стыд»
У дверей пивнушки грязной
Баба пьяная лежит.

В плащ затасканный одета,
Не стара, не молода.
Неужели, тело это
Было женщиной когда?

Было! В бедненьком платочке,
Непохожая на мать,
Ее маленькая дочка
Все пытается поднять.

«Мама!»
Да, пока что — мама.
Только плачет дочь навзрыд.
Не спасенная от срама,
Баба пьяная лежит.

О ПОКАЯНИИ

Нас всех призвали к покаянью.
И, словно платой за грехи,
Приходит самобичеванье
И в выступленья, и в стихи.

Грешить и каяться — как прост он —
Чистейшей совести рецепт.
«Раскаиваюсь!» — и вопросов
К «признавшему ошибки» нет.

Покаявшимся надо верить!
Но, может, верить погодим?
Ведь тот, кто раньше лицемерил,
Едва ли сразу стал другим.

Да, нынче модно быть героем,
Рубить размашисто, сплеча,
Клеймя позором век застоя
И Леонида Ильича.

А что хвалил его когда-то,
Так нет неловкости в душе,
Ведь в этом время виновато.
А мы покаяться уже.

* * *

Стало модным словом милосердие,
Стало модной темой покаяние,
Толковать о божестве и бессмертии
Примемся мы скоро на собраниях.

Только мода — дамочка капризная,
У нее характер переменчивый.
Что потом-то будет нами признано?
Станем мы внимать чему доверчиво?

Искренность по ветру не поощается,
Не колотит в грудь себя с усердием.
И живет не в «фондах» и не в «обществах»
Истинно святое милосердие.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРЕСТРОЙКЕ

Перестраиваем срочно
Всей работы нашей звенья,
Все — от точки и до точки —
Перестраиваем мненья.

Перестраиваем душу!
... Только с ней — не тут-то было,
Если слишком долгой стужей
Всю ее заохлодило.

И безмолвие стерпела,
И к бесчувствию привыкла,
То, что плакало и пело,
Заскорузло и поникло.

...Неторопко, ненатужно
Одолеем мрак и стужу,
Перестроим все, что нужно.
Только выпрямить бы душу!

ОТШЕЛЬНИК

Посредине двадцатого века,
Посредине России самой,
Уголок без людей человеку
Удалось отыскать, боже мой.

Год за годом, как вежа за вехой,
Он — один. Не тревожат его
Суета и мирская утеха,
Деньги, слава — да мало ль чего.

Он босыми ногами ступает
По морозной и знойной земле.
Бог пошлет — будет пища простая,
Солнце глянет — пребудет в тепле.

Неужель исцелиться от боли —
Смуты века не ведать — не знать?
...Не понять: то ль себя обездолил,
То ль, напротив, вкусил благодать...

Я НЕ СОЛИСТКА

ЧИТАЛА МНЕ БАБУШКА

Она мне прислала письмо голубое...
Игорь Северянин. «Поэза отказа»

«Она мне прислала письмо голубое...», —
Читала мне бабушка давней порою,
Читала, вздыхала, чуть-чуть забывала,
Ведь весен и зим пролетело немало
С тех пор, когда дедушка юной невесте
Прочел эти строки. Ей был неизвестен
Поэт, написавший «Поэзу отказа»,
Но только стихи ей запомнились сразу,
На всю ее долгую жизнь. И порою
Она декламирует: «...реют гобои...»
Привычным ей сделалось чуждое слово,
В нем столько ушедшего и молодого.
...Давно уже деда на свете не стало...
Я сыну сегодня стихи прочитала.

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Я тоже БЫЛА, прохожий.
Прохожий, остановись!

М. Цветаева

Растерянно держу в руках букет
Из летнего тупого разноцветья.
Никто не знает, где приют последний
Сыскала божьей милостью поэт.

Забытые могилы там и тут
Разбросаны, безмолвны и безлики.
Но ягоды пунцовой земляники
Наперекор угрюмости растут.

Я наклонюсь за ягодой лесной,
Пришедшей на погост неосторожно,
И вздрогну вдруг: «Остановись, прохожий», —
Мне скажет голос тихий и глухой.

АЛЕКСЕЮ ФАТЬЯНОВУ

Говорят: «Ты отстала...»,
Но что ж в этом странного,
Если чувства и мысли
Сверяю свои
По забытым стихам
Алексея Фатьянова
И пою его песню:
«Соловьи, соловьи...»

Мне, конечно же, нравятся
И другие мелодии,
Песни Аллы Борисовны
О злодейке-любви.
Только сердце сжимается
От нехитрого, вроде бы,
От такого негромкого:
«Соловьи, соловьи...»

Не хочу, да и стоит ли,
Свои вкусы навязывать,
Перед кем-то отстаивать
Настроенья свои.
...Рок грохочет неистово!
А в фатьяновских Вязниках,
Заглушая транзисторы,
Все поют соловьи.

МОЯ ПОЭЗИЯ

Не могу от земли оторваться,
Знаю — надо бы к звездным мирам,
Выйти в космос да там и остаться,
Чем, в который уж раз, — по полям.

На земле все известно до точки —
От травинки до вечной любви.
Но корплю я над словом, над строчкой —
Не смешны ли усилья мои?

И какой высший смысл постигаю?
И кому это нужно, как мне?
...Не лечу, не парю, не витаю —
А иду тяжело по земле.

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Была в прошлой жизни я птицей —
Не зря же летаю во сне.
Но травы, и листья, и лица
Отчетливо видятся мне.

Чуть выше, быть может, сарайки
Лечу я, объятая сном.
Была в прошлой жизни не чайкой,
Не ласточкой, не журавлем.

А курицей, толстой и белой,
Квохтала впопад-невпопад,
Усердно на яйцах сидела
И нянчила желтых цыплят.

...И снова я сутью куриной
Живу — в сине небо не рвусь
И над разъединственным сыном
Встревоженной клухой трясусь.

Высокой звезде не светиться
Над жизнью обычной моей.
...Но курица тоже ведь птица
И яйца несет для людей.

ЗНАКОМОМУ СТИХОТВОРЦУ

Ни мысли, ни души живой
В твореньях речистых,
Зато цветист сравнений рой,
Метафоры ветвисты.

Ассоциаций сложный ряд —
Уже залог успеха.
Пузырь из мыльной пены рад,
Надутый на потеху.

Искрится радужно, ничуть
Под солнцем не робея.
Но стоит пристальной взглянуть,
Чтоб лопнул поскорее.

* * *

О, сколько вас: и Беатриче,
И Анна Керн, и Натали —
Всех тех, что славу и величье
В бессмертных строках обрели.

Весьма обычные, быть может,
Не лучше всех — наверняка,
И было множество похожих,
Но вас запомнили века.

За то, что вы когда-то, где-то,
В торжественный явились час
Священной музою поэтам.
За то, что так любили вас.

И повторяют поколения
Слова великой простоты:
«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...»

Я НЕ СОЛИСТКА

Я не солистка —
в хоре я пою.
И голос мой
иных намного тише.
Но вывожу
мелодию свою
в надежде, что хоть кто-то
да услышит.
А с голосами звучными в рядах
передних,
они — тенором да басом.
Я не солистка.
Но одним горда:
фальшивой ноты
не взяла ни разу.

ТЫ ДАН СУДЬБОЙ

* * *

На виду у всей деревни
Повязала шаль с каймой,
Через бабью через ревность
Я пошла к тебе домой.

Шла в сапожках новых,
А мороз крепчал,
У ворот тесовых
Ты меня встречал.

Снег отряхивали ветки,
Чтобы песенки нам пел,
Вслед глядели мне соседки,
Ты — в глаза мои глядел.

Протянул мне руку
И — невестой — в дом,
Не сказал ни звука,
Все слова — потом.

Оглянулась напоследок —
Вся деревня смотрит... Пусть!
Ни мороза, ни соседок
Я с тобою не боюсь!

* * *

Как обидно летом ночи коротки,
Мы прощаемся с тобою у реки,
Через узкий мостик я перебегу,
На другом ты остаешься берегу.
Не уходишь ты, а смотришь мне вослед:
Оглянусь я на прощанье или нет.
Оглянусь, и ты напомнишь мне опять:
«Буду вечером тебя я ожидать».
...Спать осталось мне часочка полтора,
За работу с первым лучиком пора.
Я не выспалась, кружится голова,
Только вечера дождусь едва-едва.
Лишь стемнеет — в новом платье, налегке,
Поспешу, нетерпеливая, к реке,
Через узкий мостик я перебегу,
Вот и снова на одном мы берегу!

* * *

Ты дан судьбой на что мне —
На радость иль беду?
Забудешь — не напомню,
А позовешь — приду.

Замерзнешь — отогрею
И поддержу в пути.
Прогонишь — я сумею
Без жалобы уйти.

Любить не приневолю,
Ни в чем не обвиню.
И на другую долю
Я эту не сменю.

* * *

Не вина, не прощая
И уже не любя,
Я одна уезжаю
От тебя. От себя.

Уезжаю поспешно,
Без прощаний и слез...
И ржавеет валежник
Под ногами берез.

И поземкою мчится
За вагоном февраль.
Ничего не случится,
Что случилось — не жаль.

Я сойду на конечной,
Спохвачусь, не скорбя,
Что отныне навечно
Потеряла тебя.

Не ликуя нимало,
В первый раз не солгу:
От тебя — убежала.
От себя — не смогу.

* * *

Сквозь слезы и пургу
В твой горький час приду,
Утешу, как смогу,
И отведу беду.
Затихнет боль. И крик
Не разорвет груди...

...Но в твой счастливый миг
Я не приду. Не жди.

* * *

Я жила и легко и ладно,
Никому не желала зла.
Почему ж вышло так нескладно —
У другой тебя отняла?

Полюбила я, полюбила.
Но, обидой своей полна,
Та кляла меня и корила.
Только в чем же моя вина?

Нет виновных в любви — я знаю,
Разве кто запретит любить?
...Отчего же беда чужая
Не дает мне счастливой быть?

* * *

Я не могу привыкнуть к расставаньям,
Наверно, не привыкну никогда.
Томительное долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

Ты улыбнешься, взяв меня за плечи,
Я глаз коснусь, как будто невзначай,
В который раз скажу тебе: «До встречи»,
Хоть хочется мне вымолвить: «Прощай».

Что мне слова: «Разлука — испытанье,
И для любви нужна она», когда
Томительное долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

ТЕЛЕГРАММА

«Вам — телеграмма» —
Больно сердце сжалось:
О чем же весть?
О радости? Беде?
Клочок бумаги —
Этакая малость,
А что-то круто повернет в судьбе.

«Вам — телеграмма» —
«Приезжаю завтра».
Хоть смейся,
Хоть от радости реви.
Два слова —
Так весомо,
Так внезапно,
Как первое пришествие любви.

«Вам — телеграмма»...
Ожиданий мука
Потоком мутным
Убегает прочь.
Вот наконец и кончилась разлука.
«Вам — телеграмма!»
...Пережить бы ночь...

РЕВНОСТЬ

Тебя ревную я к друзьям —
К мужскому замкнутому кругу,
В котором вы верны друг другу,
И для меня нет места там.
Тебя ревную я к друзьям.

Ревную к женщинам чужим,
Они знакомы мне едва ли,
Но назовут иль называли
Когда-нибудь тебя своим.
Ревную к женщинам чужим.

Ревную к прошлому тебя,
И эта ревность, как расплата,
За то, что я сама когда-то
Другому вверила себя.
Ревную к прошлому тебя.

* * *

Нас с тобой расстоянья сближают.
Отчужденья суровая нить
Разрывается. Ты уезжаешь.
Без тебя мне в разлуке грустить.

Мы с тобой понимаем друг друга
В ожиданьи ликующих встреч.
Только то, что дала нам разлука
Почему-то не можем сбересть.

Недомолвки, обиды, досада —
Эти ноши совсем нележки.
...Все, как прежде. Мы вместе. Мы рядом.
Как опять мы с тобой далеки.

МАЙСКОЕ-ШУТЛИВОЕ

Еще не сторела черемуха,
Уже задымилась сирень,
Кудрявый Амурчик без промаха
Охоту ведет каждый день.

И полнится мукою сладкою
Пронзенное сердце, и вновь
Ночами, от мужа украдкою,
Пишу я стихи про любовь.

* * *

Мы ничего не будем говорить,
Сейчас для нас в молчании отрада,
И потому прервавшуюся нить
Беседы лишней связывать не надо.

Дай руку мне. Как пальцы холодны...
Взгляни в глаза — во взгляде та же стужа...
Кого винить, коль нет ничьей вины?
Ты не проси прощения. Не нужно.

Погас костер, нас гревший много лет,
Его огонь не подменить словами.
...Я ухожу. Ты долго смотришь вслед
Нежданно потеплевшими глазами.

БЕЗ ТЕБЯ

* * *

И ночью дверь не запирала
И все надеялась: придешь.
А за окном сирень шептала:
«Напрасно ждешь. Напрасно ждешь».
Стерпеть обиды не сумела —
Сломала дымную сирень.
И долго горестно смотрела
На обезглавленную тень.

* * *

И снова я войду в свой дом —
Он будет одинок.
В почтовый ящик загляну —
Подразнит пустотой.
И снова я пойму, что мир
Бессмысленно жесток,
Ведь в нем живем и ты, и я,
Но нет тебя со мной.

* * *

Отвыкаю от губ твоих,
Отвыкаю от глаз —
Я безмолвно и больно
Другого целую.
И бледнею от мысли,
Что, может, сейчас,

Там, вдали от меня,
Ты целуешь другую.

* * *

Я для тебя не стала близкой.
Надежды тают, как туман.
Я все еще храню записки,
Где слово каждое — обман.
И, вопреки рассудку, верю
Я во спасительную ложь,
Что ты мои откроешь двери
И навсегда ко мне придешь.

* * *

Наши встречи словно снег в апреле,
Наши встречи как декабрьский дождь.
Песни — те, что вовремя не спели,
Уж теперь, наверно, не споешь.

Слишком быстро тает снег в апреле,
Леденеет дождик в декабре.
Наши встречи просто не сумели
Стать росой на утренней заре.

* * *

Чужая женщина смотрела
На профиль, мне одной знакомый.
Чужая женщина ласкала
Колечки тонкие волос.
А я уже давно не пела
И не хозяйничала дома,
И у меня осталось мало
Улыбки, нежности и слез.

Чужая женщина смеялась,
В свою удачу веря свято.
Чужая женщина рыдала
В предощущении утрат.
А в том, что я одна осталась,
Она была не виновата.
А в том, что слез уже не стало,
Был даже ты не виноват.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы расстаемся под крик журавлиный,
И под шептание пестрой листвы,
И под мерцание зрелой рябины.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Сутуловатый и седоволосый,
Спрятав глаза, не подняв головы,
Кутая в шарф и морщины, и слезы,
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Крикнула я бы, вослед побежала,
Не убоявшись досужей молвы.
Но... я родиться на свет опоздала.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

ь.

* * *

Разлюбил... Значит, я виновата.
Не пеняю незрячей судьбе,
Хоть платить мне немалу плату
За уверенность злую в себе.

Я считала — навеки пленила,
Своей доле пожизненно рад.
Проглядела, как стала постылой.
Кто же, кроме меня, виноват?

* * *

Когда-нибудь
судьба сведет друг с другом,
чтоб в горести минувшей помолчать.
И, как всегда,
мою возьмешь ты руку,
чтобы ее, склонясь, поцеловать.
И, растерявшись,
спросишь через силу:
— Ждала меня?
— Наверное, ждала...
— Простила?
— Ну, конечно же, простила.

Легко прощать,
когда любовь прошла.

* * *

Полжизни почти пролегло между нами —
Мы встретились снова.
И он виноватыми смотрит глазами,
Не вымолвив слова.

Я знаю, за что виноватым считает
Себя, невиновный.
Растерянно взгляд мой неробкий встречает,
Спокойный и ровный.

Наслышан: не выпало складной мне доли,
Да вот — беспечальна.
И он улыбается волей-неволей:
— Ну, как, все нормально?

— Конечно, нормально...
И все ж не решится
С довольною мною
Так просто, как с другом своим, поделиться,
Что счастлив с другою.

* * *

Я, наверно, тревоги не скрою,
Когда ты постучишься в мой дом.
Побежденным придешь — не героем,
Коли вспомнить решил о былом.

Не тверди о неведомых силах,
Не тверди о превратной судьбе.
Не случайно зашел ты, мой милый,
Знать, не сладко живется тебе?

* * *

Я — дерево, возвращенное тобой.
Спасу тебя от зноя и от града,
Огнем и пеплом стану, если надо.
Я — дерево, возвращенное тобой.

Я — песня, сотворенная тобой.
Звучать готова я с утра до ночи,
Или замру, коль этого захочешь.
Я — песня, сотворенная тобой.

Я — птица, прирученная тобой.
В неволе быть мне тяжело и отратно,
А улечу, так возвращусь обратно.
Я — птица, прирученная тобой.

* * *

Не дари мне сережек рубиновых,
Золотого кольца не дари,
Принеси лучше ягод рябиновых
И ромашек на поле нарви.

Ожерелье из ягод я сделаю
И венок из ромашек сплету.
В белом платье, от радости смелая,
Я к тебе в тихий вечер приду.

Принесу тебе лета цветение,
Росный запах травы полевой,
И улыбку, и грусть, и волнение,
И любовь принесу я с собой.

Дорогих мне подарков не надобно,
Мне б — звенели грибные дожди,
Да цвела бы над крышею радуга,
Да сказал бы ты мне: «Приходи!»

* * *

На судьбу тебе пожалуюсь,
Никого не обвиня.
Пожалей меня, пожалуйста,
Приголубь, утешь меня.

Я заплачу с облегчением
Тихо-тихо иль навзрыд.
Ты спаси меня терпением
От напастей и обид.

Не святую, не безгрешную
И не верящую в рай,
Исцели меня надеждою,
В доброту поверить дай.

Не унизить душу жалостью,
Без сочувствия — больней.
Пожалей меня, пожалуйста,
Если можешь, пожалей.

* * *

Еще одно лето промчалось, как поезд,
Тепло и покой — позади.
И снова живу, суетясь, беспокоясь,
Кляня затяжные дожди.

Тревоги, сомненья и думы ночные,
Что скоро и жизнь так пройдет.
И вновь проклиная дожди затяжные
И тяжкое бремя забот.

А утром луч солнца в окно постучится.
Глаза протирая со сна,
Сынок улыбнется мне и удивится:
«Опять наступила весна?»

ПОСЛЕДНЕЕ

Нам вместе быть уже не вмоготу,
Наверно, мы должны с тобой расстаться,
Переступив последнюю черту,
От худшего друг в друге отказаться.

Усталости душевной зачеркнуть
Легко и свет, и прежнюю отраду.
Коль невозможно прошлого вернуть,
То ворошить нам уголья не надо.

И жизни нашей общая тетрадь
Должна, наверно, вовремя закрыться.
...Но, может, стоит все ж перечитать
В ней самые прекрасные страницы?

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

«Как же похоже кричали...»	3
«Мы торопимся жить»	4
«Перед ушедшими вина...»	5
«Не дай нам бог...»	6
Песня	7
Маме	8
Накануне тридцатилетия.....	9
«Как быстро время мчит!».....	10
«Все реже смотрят вслед мужчины.»	11
«Так хочется, чтоб кто-то пожалел...».....	12
«О, как с годами хочется покоя...».....	13
«Я в жизни обжигалась так часто...»	14
«Судьба моя лукавая...»	15
«О, как нелепо я живу!..»	16
«Никуда не деться от печалей...»	17
Осенние мотивы	
1. Осенняя печаль.....	18
2. Осенние радости.....	19
3. Осенние встречи.....	20
4. Осенняя ирония.....	21

Стихи о снеге	
1. Осенний снег	22
2. Весенний снег	22
ЗАПАХ КЛЕВЕРА	
Было три мужа у бабки Настасьи	23
«Запомнилась мне женщина одна...»	24
Изба	25
«Чай, придешь ко мне в гости, Ирина...»	26
Автопортрет	27
«Худа, веснушчата, курноса...»	28
Запах клевера	29
«Два одиноких человека...»	30
Разговор соседок	31
«Без передышки падал дождь...»	33
«На стене портрет в овальной раме...»	34
«Две остановки ехала в трамвае...»	35
«У тети Маши полон дом детей...»	36
«Старик восьмидесяти лет...»	37
Слепая	38
Праздник в деревне	39
«У той старушки мужа нет и сына...»	40
Ты	41
Два письма	42
«Можно ль жить, коль навеки обвенчаны...»	44
«Вошел в квартиру, как чужой...»	45
«Мужчины жалуют вниманьем...»	46
«Не стерпелось, не слюбилось...»	47
Ах, Настасья	48
«Закружились, светлы и горьки...»	49
Баня (Шутка)	50
О ПОКАЯНИИ	
В старой роще	51
«Звереет человек в очередях...»	52
«Дефицит доброты — почему же?»	53
«Под плевки пьянчужек праздных...»	54
О покаянии	55
«Стало модным словом милосердие...»	56

Размышления о перестройке	57
Отшельник	58

Я НЕ СОЛИСТКА

Читала мне бабушка.....	59
Памяти Марины Цветаевой.....	60
Алексею Фатьянову.....	61
Моя поэзия	62
Несерьезные размышления.....	63
Знакомому стихотворцу.....	64
«О, сколько вас: и Беатриче,».....	65
Я не солистка	66

ТЫ ДАН СУДЬБОЙ

«На виду у всей деревни...»	67
«Как обидно летом ночи коротки...»	68
«Ты дан судьбой на что мне...»	69
«Не виня, не прощая...»	70
«Сквозь слезы и пургу...»	71
«Я жила и легко и ладно...»	72
«Я не могу привыкнуть к расставаньям...»	73
Телеграмма	74
Ревность	75
«Нас с тобой расстоянья сближают...»	76
Майское-шутливое.....	77
«Мы ничего не будем говорить...»	78
Без тебя.....	79
«Наши встречи, словно снег в апреле...»	81
«Чужая женщина смотрела...»	82
Воспоминание	83
«Разлюбил... Значит, я виновата»	84
«Когда-нибудь...»	85
«Полжизни почти пролегло между нами...»	86
«Я, наверно, тревоги не скрою...»	87
«Я — дерево, возвращенное тобой».....	88
«Не дари мне сережек рубиновых»	89
«На судьбу тебе пожалуюсь».....	90
«Еще одно лето промчалось, как поезд...»	91
Последнее.....	92

Ирина Евгеньевна Барина

ОСЕННИЙ СНЕГ

Редактор *О. Н. Николаев*
Художественный редактор *Н. Н. Миролюбов*
Технический редактор *В.А.Кичигина*
Корректор *Л. И. Колесова*

Сдано в набор 1.08.90. Подписано в печать 23.11.90.

Формат 60x84 1/32. Гарнитура Тип. Таймс.

Усл. кр. отт. 3,0. Усл. печ. л. 3,0. Уч. изд. л. 2,61.

Тираж 5000. Заказ 754. Цена 1 руб. + 25к.

Верхне-Волжское книжное издательство Министерства печати и
массовой информации РСФСР,
150000, г. Ярославль, ул. Трефолева, 12

Типография № 2 Министерства печати и массовой информации
РСФСР, 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.